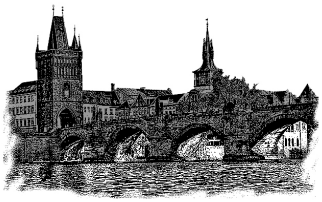
Ruská akademie věd
Rusko-Česká komise historiků a archivářů
Archiv Ruské akademie věd
Ruská státní humanitární univerzita Ústav
světových dějin Ruské akademie věd

Florovský A.

SPISY O HISTORII RUSKA, STŘEDNÍ EVROPA A HISTORIOGRAFIE

Z archivního dědictví



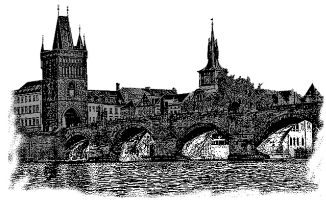
Nestor-Historia
Sankt-Petěrburg
2020

Российская академия наук
Российско-чешская комиссия историков и архивистов
Архив Российской академии наук
Российский государственный гуманитарный университет
Институт всеобщей истории Российской академии наук

А. В. Флоровский

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И ИСТОРИОГРАФИИ

Из архивного наследия



Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 947:901
ББК 63.3(2)
Ф73

Рекомендовано к печати
Ученым советом Архива РАН,
Ученым советом Института всеобщей истории РАН
и Российско-чешской комиссией историков и архивистов

Редколлегия:
Ян Немечек, Ефим И. Пивовар (сопредседатели),
Виталий Ю. Афиани, Лукаш Бабка, Эмиль Ворачек,
Константин В. Никифоров
Александр С. Левченков (ученый секретарь)

Redakční rada:
Jan Němeček, Efim I.Pivovar (spolupředsedové)
Vitalij J. Afiani, Lukáš Babka, Emil Voráček,
Konstantin V. Nikiforov,
Alexander S. Levčenkov (vědecký tajemník)

Ф73 **Флоровский А. В.** Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия / Под ред. В. Ю. Афиани; вступ. ст. М. В. Ковалева, сост., подг. к публ. и коммент. В. Ю. Афиани, М. В. Ковалева, Е. В. Косыревой, Т. Н. Лаптевой. – СПб.: Нестор-История, 2020. — 576 с., ил. — ISBN 978-5-4469-1663-4.

Florovský A. Spisy o historii Ruska, Střední Evropa a historiografie: Z archivního dědictví / Pod red. V.J. Afiani; úvod opat. M.V. Kovaljov, sest. V.J. Afiani, M.V. Kovaljov, E.V. Kosyreva, T.N. Laptěva. — Sankt-Petěrburg: Nestor-Historia, 2020. — 576 s., il. — ISBN 978-5-4469-1663-4.

Вниманию читателей представлен сборник научных работ выдающегося русского историка, профессора Антония Васильевича Флоровского (1884–1968), извлеченных из архивов Праги и Москвы. Ценность и важность научного наследия А. В. Флоровского состоит в том, что его труды были основаны на широчайшем круге источников из европейских архивов, что в них он поднимал малоизвестные сюжеты из истории взаимоотношений России с Восточной и Центральной Европой, по-новому трактовал многие вопросы русской истории XVIII–XIX вв. Без его научных работ сегодня невозможно представить изучение екатерининской эпохи, русско-чешских связей, деятельности иезуитов в России, русско-австрийских отношений в эпоху Петра Великого и т. д. Эти обстоятельства делают чрезвычайно важной публикацию в России работ А. В. Флоровского. Для издания отобраны те рукописи, которые наиболее полно охватывают разнообразие научных интересов А. В. Флоровского

Книга предназначена научным работникам, аспирантам и студентам вузов и всем, кто интересуется историографией, историей российской эмиграции, российско-чешскими отношениями.

УДК 947:901
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4469-1663-4

© Архив РАН, 2020
© Славянская библиотека в Праге, 2020
© Составители, 2020
© М. В. Ковалев, вступ. статья, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. И. Пивовар, Я. Немечек. К читателю 7
М. В. Ковалев. Труды и дни профессора Антония Васильевича Флоровского 8
В. Ю. Афиани, М. В. Ковалев, Е. В. Косырева, Т. Н. Лаптева. Археографическое предисловие 49

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

Труды по истории России, Центральной Европы и историографии

I. РОССИЙСКО-ЧЕШСКИЕ СВЯЗИ X–XIX вв. 77
Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси 77
Краткий обзор истории русско-чешских отношений 98
Давид Георгий и его сочинение 126
Украина на страницах чешской истории 156

II. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕГО ЭПОХА 173
Петр Великий и Чехия 173
Петр Великий и чешская культура 194
Пряшевский план австро-мадьярского примирения 1710 г. (страница из истории русско-австрийских отношений в начале XVIII в.) 216
Мекленбургская проблема в политике Петра Великого 232

III. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XIX — НАЧАЛА XX в. 261
Чех-декабрист (эпизод из истории русско-чешских отношений) 261
Император Николай II 274
Реформы, реакция, революция 283

IV. ИСТОРИОГРАФИЯ 319
Русская историческая наука в эмиграции (1921–1926) 319
Русская эмигрантская историческая литература (1927–1929) 354
Историческая наука в Советской России 415

ПРИЛОЖЕНИЕ 435
Автобиография А. В. Флоровского 435
«Поздравляю с прибытием в “свободную Европу”...» Переписка Антония и Георгия Флоровских. 1922–1924 гг. 480

Список иллюстраций 508

Именной указатель 510

OBSAH

J. I. Pivovar, J. Němeček. Ke čtenáři 7
M. V. Kovaljov. Práce a dny profesora Antonije Vasiljeviče Florovského 8
V. J. Afiani, M. V. Kovaljov, E. V. Kosyreva, T. N. Laptěva. Archeografická předmluva 49

FLOROVSKÝ A.
Spisy o historii Ruska, Střední Evropa a historiografie

I. RUSKO-ČESKÉ VZTAHY V X-XIX STOLETÍ 77
Uctívání svatého Václava, knížete českého, v Rusku 77
Stručný přehled dějin rusko-českých vztahů 98
Jiří David a jeho dílo 126
Ukrajina na stránkách české historie 156

II. PETR I. V ELIKÝ A JEHO DOBA 173
Petr I. Veliký a České země 173
Petr I. Veliký a Česká kultura 194
Prešovský plán rakousko-maďarského usmíření z roku 1710 (kapitola z dějin rusko-rakouských vztahů počátku xviii. Století) 216
Meklenburská otázka v politice Petra I. Velikého 232

III. RUSKÁ ŘÍŠE V XIX. A NA POČÁTKU XX. STOLETÍ 261
Čech-děkabrista (epizoda z dějin rusko-českých vztahů) 261
Car Mikuláš II 274
Reformy, reakce, revoluce 283

IV. HISTORIOGRAFIE 319
Ruská historická věda v emigraci. 1921–1926 319
Ruská emigrační historická literatura. 1927–1929 354
Historická věda ve Sovětském Rusku 415

PŘÍLOHA 435
Autobiografie A. V. Florovského 435
«Gratulujeme ke vstupu do ’svobodné Evropy‘...» Korespondence Antonije a Georgije Florovského. 1922–1924 480

Seznam ilustrací 508

Rejstřík 510

К ЧИТАТЕЛЮ

Профессор Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) являет собой пример интеллектуала, чья жизнь и судьба оказались в равной мере связаны с русской и с чешской научной и культурной средой. Он принадлежит к числу крупнейших фигур в истории русского научного зарубежья, в русской эмигрантской историографии и, помимо того, оставил заметный след и в чешской исторической науке. Его научное наследие огромное, а вклад в изучение истории русско-чешских отношений неоценим. Ему удалось собрать и проанализировать огромный фактический материал, который позволил впервые осмыслить самые разные аспекты этих связей, будь то традиция почитания чешского князя Вячеслава русской церковью, деятельность чешских иезуитов в России или продажа моравского сукна на русских ярмарках.

Ценность и важность научного наследия А. В. Флоровского состоит в том, что его труды были основаны на широчайшем круге источников из европейских архивов, что в них он поднимал малоизвестные сюжеты из истории взаимоотношений России с Восточной и Центральной Европой, по-новому трактовал многие вопросы русской истории XVIII–XIX вв.

Хотя имя ученого в СССР не было под запретом, подобно именам многих других его коллег-эмигрантов, и после Второй мировой войны А. В. Флоровский опубликовал на Родине несколько работ, его биография и научное наследие начали изучаться лишь в 1990-е гг. Тогда же началось исследование огромного архивного наследия ученого в архивах Москвы и Праги.

Представляемый вниманию читателей сборник призван напомнить о творчестве крупного ученого-историка, а заодно еще раз продемонстрировать важность российско-чешского интеллектуального диалога.

Сборник ранее неопубликованных трудов А. В. Флоровского из его архивного наследия публикуется в рамках проектов совместной Комиссии российских и чешских историков и архивистов Российской академии наук и Чешской академии наук.

Сопредседатели Российско-Чешской комиссии
историков и архивистов Российской академии наук:
с российской стороны — член-корреспондент Российской академии наук,
профессор Е. И. Пивовар,
с чешской стороны — профессор Ян Немечек

М. В. Ковалев

ТРУДЫ И ДНИ ПРОФЕССОРА АНТОНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ФЛОРОВСКОГО

Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) принадлежал к числу крупнейших историков русской эмиграции, жизнь и научная карьера которых оказались расколоты надвое революцией и Гражданской войной.

Семья

Антоний Васильевич Флоровский появился на свет 1 (14) декабря 1884 г. в Елисаветграде, где служил священником его отец, Василий Антонович (1852–1928), происходивший из низшего духовенства Новгородской губернии, который после обучения в Новгородской семинарии и Московской духовной академии в ноябре 1877 г. был определен на службу в Новороссийский край — в Одессу. Там он познакомится со своей будущей женой, Клавдией Георгиевной Попруженко (1863–1933), дочерью священника Сретенской церкви. В Одессе родится их первый ребенок — Василий (1881–1924), который станет впоследствии известным врачом и теоретиком народного здравоохранения. К слову, все дети Флоровских проявят себя на интеллектуальном поприще. Клавдия (1882–1963) будет первой женщиной — приват-доцентом Новороссийского университета, Антоний сделает карьеру историка, а Георгий (1893–1979) — философа и богослова. Очевидно, что этому способствовал особый климат, царивший в семье. Много лет спустя в своих автобиографических заметках А. В. Флоровский вспоминал о культурных интересах своих родителей, о книгах русских классиках на полках и занятиях музыкой: «...наша семья относилась с большим уважением и признанием к научному знанию вообще, к высшей школе, к гуманитарным наукам и едва ли не больше всего к наукам историко-филологическим»[1]. Обратим внимание на примечательный факт. В жандармских бумагах сохранились указания на политическую неблагонадежность отца будущего историка. Его уличили в общении с членами народнического кружка Николая Васильевича

Ковалевского (1841–1897), но главное в том, что в июне 1879 г. в ограде Петропавловской церкви в Одессе он собирал сходки рабочих и учащихся духовного училища, которым читал «книги социально-революционного содержания» и распространял между ними «революционные идеи»[2]. В. А. Флоровский был арестован, однако вскоре освобожден и сохранен на службе. Вне всякого сомнения, высокая социальная активность и ответственность, соединенные со способностью критически воспринимать окружающую действительность, передались и его детям.

В 1894 г. Флоровские вернулись из Елисаветграда в Одессу. Антоний был отдан в Четвертую мужскую гимназию. Во время обучения у него складывается стойкий интерес к истории, причем большую роль в этом сыграл его учитель — Александр Федорович Музыченко (1875–1940; по другим сведениям — 1878–1940). В 5–6-м классе Антоний завел записную книжку, в которую заносил сведения по археологии России, с упоением читал изданные И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым «Русские древности в памятниках искусства», а во время поездки с родителями в Новгород получил от родственников в подарок рукопись акта XVII в., с которой не расставался на протяжении всей жизни.

Новороссийский университет. Учителя

В 1903 г. А. В. Флоровский поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета. Он занимался на семинарах у Эрнста Романовича фон Штерна (1859–1924), Василия Михайловича Истрина (1865–1937) и Евгения Николаевича Щепкина (1860–1920), но особое влияние на формирование его как историка оказал крупный ученый — профессор Иван Андреевич Линниченко (1857–1926). Профессор обратил внимание на усердного студента и попытался привлечь его к научной работе. Именно на семинаре И. А. Линниченко начали складываться научные пристрастия А. В. Флоровского, именно от своего учителя он вынес интерес к социальной истории. Среди однокашников Антоний выделялся своим упорным стремлением к научной карьере.

Литературовед Лев Рудольфович Коган (1885–1959) — в начале XX в. студент Новороссийского университета — так описывал его в своих воспоминаниях: «Он бросался в глаза маленьким ростом и совершенно девичьим лицом без малейшего следа растительности. Он казался мальчиком лет четырнадцати-пятнадцати, случайно надевшим студенческую

куртку и забравшимся в университетскую аудиторию. Его поддразнивали, но он относился к товарищеским шуточкам добродушно и умел остроумно их отпарировать. Он с первых дней занятий начал работать систематично и серьезно, особенно по русской истории. Ни в каких политических и общественных делах он участия не принимал. Он знал одной лишь думы власть: добиться профессуры. <...> В памяти у меня он остался как добродушный паренек и ходячий энциклопедический словарь по части русской истории. Он любил копаться в разных справочниках, а со второго курса и в архивных материалах и подчас выискивал любопытные факты»[3].

В 1905 г. факультет объявил конкурс на соискание золотой медали за лучшее научное сочинение на указанные темы. Одна из них была сформулирована И. А. Линниченко и касалась Екатерининской законодательной комиссии 1767–1774 гг. Он порекомендовал А. В. Флоровскому заняться именно ей. Кропотливая работа начинающего историка принесла ему успех: в 1907 г. его исследование было удостоено золотой медали и рекомендовано к печати[4]. Но, главное, эта работа обозначила направление исследований на ближайшие годы. В январе 1909 г. А. В. Флоровский был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Пройдя сложную и долгую процедуру экзаменов, он с 31 октября 1911 г. был причислен к приват-доцентам. А. В. Флоровский принялся энергично собирать материал для будущей диссертации, для чего совершал регулярные поездки в архивы Москвы и Санкт-Петербурга. Его увлекла организационная сторона работы Екатерининской комиссии, механизмы ее деятельности, участие в ней представителей различных социальных групп.

Общественная деятельность. Личная жизнь

А. В. Флоровский активно участвовал в работе различных добровольных объединений. 11 октября 1908 г. он стал членом-сотрудником педагогического отдела Историко-филологического общества при Новороссийском университете, в апреле 1911 г. был избран членом-сотрудником Одесского общества истории и древностей, а с 25 февраля 1914 г. стал его действительным членом. Кроме того, он сотрудничал с Одесским библиографическим обществом при Новороссийском университете. К работе в нем он привлек сестру Клавдию и братьев Василия и Георгия[5]. Это общество стало своего рода лабораторией, в которой ученики профессора

И. А. Линниченко отрабатывали навыки рецензирования и научной критики исследований[6]. Для А. В. Флоровского это будет большая школа, и уже в годы эмиграции в полной мере даст о себе знать его талант историографа[7]. В изданиях этих объединений он публиковал свои исследования по истории Новороссийского края, интерес к которой был свойственен его интеллектуальному окружению[8]. Но главное внимание отдавалось все же изучению екатерининской эпохи в связи с подготовкой магистерской диссертации, которая была в основном завершена уже к зиме 1914–1915 гг. В это же самое время произошли большие перемены в личной жизни историка: 12 декабря 1914 г. он женился на Валентине Афанасьевне Белоусовой, дочери крупного одесского адвоката. Она будет его верным спутником на протяжении всей жизни, опорой во всех его творческих начинаниях. Однако их брак окажется бездетным.

Магистерская диссертация

И. А. Линниченко хотел, чтобы А. В. Флоровский непременно защищал диссертацию в Москве. Он списался с Матвеем Кузьмичом Любавским (1860–1936) и порекомендовал своего ученика. Молодому историку предстояло выступать перед мэтрами отечественной науки, с которыми он прежде не был знаком лично. Но в Москве молодого историка приняли радушно, и 14 февраля 1916 г. он защитил в университете магистерскую диссертацию «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.»[9]. Его оппонентами были Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) и Юрий Владимирович Готье (1873–1943). Работа была высоко оценена научным сообществом и вскоре удостоена Уваровской премии Академии наук. Ее заметили и за рубежом. Немецкий славист Карл Штеллин (1865–1939) разбирал ее со студентами своего семинара в Берлинском университете, и именно из числа его участников выйдет Георг Закке (1902–1945) — автор первых зарубежных исследований о Екатерининской комиссии[10]. Московские коллеги советовали Флоровскому защищать у них и докторскую диссертацию. Заранее обдумывая ее возможную тематику, он колебался между анализом материалов 3-й ревизии 1763 г., которые послужили основой для преобразовательных планов Екатерины II в сфере социальных отношений, и историей русской колонизации Новороссийского края. Сам он отдавал предпочтение второй теме, невзирая на некоторый скептицизм коллег. Тот же М. М. Богословский

говорил ему, что «нужно брать тему общего и широкого, общерусского значения, для провинциальных тем не стоит отдавать основное свое усилие»[11].

Защита диссертации открыла новые карьерные возможности. 27 октября 1916 г. Совет Новороссийского университета избрал А. В. Флоровского исполняющим обязанности экстраординарного профессора по кафедре русской истории, 17 января 1917 г. Министерство народного просвещения утвердило это назначение. Февральская революция втянула его в водоворот общественной жизни. 10 августа 1917 г. заседание профессоров и младших преподавателей университета избрало А. В. Флоровского и ректора Александра Павловича Доброклонского (1856–1937) делегатами на Поместный собор Православной всероссийской церкви, который должен был состояться осенью в Москве и обсудить вопрос о возрождении патриаршества[12]. Это едва ли не единственный известный пример участия историка в церковной жизни. Хотя он и происходил из духовной семьи, о его религиозности на основе сохранившихся источников судить трудно. Вспоминая о своем участии в Поместном соборе, Антоний Васильевич признавался, что, помимо возложенных на него обязательств, использовал пребывание в Москве в научных целях — просматривал бумаги Екатерины II в Архиве Министерства юстиции[13].

Революционные вихри

Когда историк вернулся в Одессу, власть уже оказалась в руках большевиков, а страна стремительно сползала в пропасть Гражданской войны. Складывается впечатление, что в эту суровую пору Флоровский вел себя довольно аполитично, не примыкая ни к одной из противоборствующих сторон, и отдавал все силы науке и преподаванию. В сентябре 1918 г. он приступил к работе на экономическом факультете Одесского политехнического института, только что созданного усилиями инженера и мецената Михаила Васильевича Брайкевича (1874–1940).

В 1920 г. Новороссийский университет был реорганизован. На его основе были созданы специализированные высшие учебные заведения, в том числе Археологический институт, в котором Флоровский начал заведовать кафедрой исторической географии. Его начальником стал присланный из Петрограда молодой ученый Юлиан Григорьевич Оксман (1894–1970), впоследствии выдающийся историк и литературовед. Между ними сложились добрые отношения, которые подкреплялись еще и совместной

работой в Одесском губернском архивном управлении. С марта по декабрь 1921 г. Антоний Васильевич занимал пост директора Одесской городской библиотеки, а 10 февраля 1922 г. на объединенном заседании Губернского управления профессионального образования (Губпрофобр) и пленума научного бюро Высшей школы был избран директором главной библиотеки Высшей школы (бывшей библиотеки Новороссийского университета)[14].

А. В. Флоровский оказался оторван от центральных архивов в Москве и Петрограде, а потому все большее внимание уделял региональной истории. Он вел энергичную работу в местных архивах, в частности, с бумагами новороссийского генерал-губернатора, Херсонской духовной консистории, продолжая тем самым начатые ранее исследования[15]. Его особенно увлекала история колонизации Новороссийского края и специфика его социально-экономического развития в пореформенный период[16]. К маю 1921 г. им была подготовлена книга о крестьянских волнениях 1861–1863 гг. в Северном Причерноморье. Она пришлась по душе Комиссии по концентрации и разработке историко-революционных материалов и под ее грифом была немедленно напечатана[17]. Данная работа ни в коей мере не являлась политической агиткой в духе времени. Напротив, это было глубокое историко-архивное исследование, вскрывавшее историю социальных проблем региона, которое автор очень ценил.

У профессора было много творческих планов, но все они были враз перечеркнуты арестом 19 августа 1922 г. Согласно приказу № 74 Одесского губпрофобра от 1 сентября 1922 г., А. В. Флоровский вместе с другими 10 преподавателями высших школ подлежал увольнению и высылке за границу[18]. Очевидно, эти меры большевистской власти нужно рассматривать в контексте общей высылки интеллигенции из Советской России за границу[19].

Еще в январе 1920 г. родители историка, брат Георгий и сестра Клавдия, а также дядя М. Г. Попруженко решили покинуть Советскую Россию. Это было непростое решение: Флоровские ехали, что называется, в никуда. Драматичность ситуации особенно явственно проступает в свете их дальнейших судеб. Так, для К. В. Флоровской эмиграция обернется прекращением едва начавшейся научной карьеры[20]. А. В. Флоровский и другой его брат, Василий, об эмиграции поначалу не помышляли; более того, историк не выражал открытого недовольства большевистской властью, а, напротив, активно работал в новых научных организациях, созданных

по ее воле. Посему попадание в списки на принудительную высылку стало для него большой неожиданностью. А. В. Флоровский и его супруга взяли с собой только самые необходимые вещи, в том числе некоторые рукописи, были посажены на пароход и отправлены в Турцию. Так историк оказался в Константинополе, наполненном русскими беженцами еще с момента осенней Крымской эвакуации 1920 г. Годы спустя Флоровский вспоминал, что «под впечатлением переживаний последних дней в России не смог систематически изучить» этот город и все силы направил, чтобы выбраться из него[21]. Антоний Васильевич осведомился о возможности переезда в Германию у своих немецких коллег: археолога Э. фон Штерна, некогда работавшего в Одессе, и боннского профессора Л. К. Гётца, работу которого о «Русской Правде» он некогда высоко оценил[22]. Обратился он и к осевшим в Великобритании одесским знакомым, инженеру М. В. Брайкевичу и экономисту Ю. А. Павловскому, и в Прагу — к брату Георгию и к академику Н. П. Кондакову. В письме к своему коллеге Г. В. Вернадскому А. В. Флоровский жаловался на тяготы своего нынешнего положения, признавался в нежелании заниматься уличной торговлей и службой в ресторанах подобно многим соотечественникам[23]. Но помочь с работой никто не смог.

В конце сентября 1922 г. А. В. Флоровский решил направиться в Софию, где осели его родители и сестра. В болгарской столице он перебивался случайными заработками. Его обращение в Министерство народного просвещения с выражением готовности работать в учебно-научной или архивно-библиотечной сфере было отвергнуто, несмотря на покровительство крупных болгарских историков — Васила Златарского (1866–1935) и Стефана Бобчева (1853–1940).

Переезд в Чехословакию. Прага

Проблеск появился в конце 1922 г., когда А. В. Флоровский наконец получил приглашение из Праги. Правительство Чехословакии в это время развернуло так называемую Русскую акцию (Ruská pomocná akce) — программу помощи эмигрантам из России. Основная поддержка в рамках нее оказывалась студентам и ученым, которые получали стипендии для продолжения обучения или работы. Флоровский был приглашен Советом русских профессоров и в начале 1923 г. прибыл в чехословацкую столицу.

В декабре 1921 г. в Праге была создана Русская учебная коллегия, помогавшая эмигрантскому студенчеству. При ней возникли Высшие

русские дополнительные курсы, на которых для молодых эмигрантов, учившихся в чехословацких высших школах, читались специальные лекции. Их историко-филологическое отделение и возглавил А. В. Флоровский, который стал вести курс русской истории. Преподавательская активность ученого в годы эмиграции будет неизменно высокой. В августе 1923 г. в Праге открылся Русский педагогический институт имени Я. А. Коменского. Флоровский был приглашен на работу туда в октябре 1924 г. для чтения курса по истории русской педагогики. Профессор был, как бы мы сказали сегодня, почасовиком и получал по 40 крон за лекцию. Но свой курс он прочел лишь один раз — в 1926 г. институт закрылся. Более длительным и плодотворным оказалось сотрудничество с Русским юридическим факультетом, открытым в мае 1922 г. В 1924/1925 учебном году совместно с Мстиславом Вячеславовичем Шахматовым (1888–1943) и Борисом Алексеевичем Евреиновым (1888–1933) он вел практические занятия для студентов по истории русского права древнейшего периода. А. В. Флоровский принимал участие в работе семинара по истории русского права, руководимого Георгием Владимировичем Вернадским (1887–1973), и сделал там доклад «О крестьянской реформе в Новороссийском крае по архивным данным». Осенью 1927 г. вместе с М. В. Шахматовым он образовал Кружок любителей истории русского права, на одном из заседаний которого сделал доклад «Обряд Управления Комиссией 1767 г.». Увы, Русский юридический факультет постигла печальная участь других эмигрантских высших школ. Выпуск 1929 г. стал для факультета последним, а постепенно была свернута и научная работа.

Наряду с другими русскими учеными А. В. Флоровский активно поддерживал идею популяризации научных знаний как в эмигрантской, так и в чехословацкой среде. Речь шла об участии в публичных лекциях, диспутах, выставках. Эти мероприятия были ориентированы на широкий круг участников, ставили своей задачей продемонстрировать, что и на чужбине русская научная мысль не заглохла, а кроме того, способствовать русско-чехословацкому интеллектуальному сближению. Так, в 1923–1924 гг. А. В. Флоровский прочел в гуманитарном отделе Русского института несколько лекций по русской истории, а впоследствии опубликовал статью в его издании. Оставил он свой след и в работе Русского народного университета, открывшегося 16 октября 1923 г. и выполнявшего роль публичного лектория. Антоний Васильевич читал следующие курсы: «Народ и власть в истории России» в 1923–1924 гг.; «Русский юг и запад в первые годы до вступления в состав России» в 1925–1926 гг.;

«Из истории русско-чешских отношений», «Спорные вопросы древнерусской истории» в 1926–1927 гг.; «Русско-чешские отношения в новое время» в 1927–1928 гг. Он выступал не только в Праге, но и в провинции. Флоровский принимал деятельное участие в создании Комитета русской книги, выполнявшего роль всеэмигрантской книжной палаты. Он стал его сопредседателем и в этом качестве был в числе организаторов выставки изданий русской эмиграции, состоявшейся в Праге в 1924 г.

А. В. Флоровский с большим рвением включился в работу эмигрантских научных институций; он стал членом Русской академической группы в Чехословакии, созданной осенью 1921 г. для поддержки покинувших Родину ученых, в том числе для подготовки новых исследовательских кадров. В июне 1923 г. на ее заседании Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979), брат ученого, защитил диссертацию «Историческая философия А. И. Герцена» и получил степень магистра философии[24]. В качестве делегата от этого объединения Флоровский участвовал в съездах Русских академических организаций за границей в Праге (1924), Белграде (1928) и Софии (1930).

В Праге оказались востребованы навыки А. В. Флоровского как опытного историка-архивиста. С 1925 г. он начал сотрудничать с Русским заграничным историческим архивом, вошел в состав его Совета и Ученой комиссии. Ему нередко доверяли проведение оценки заметных документальных собраний, предлагаемых для приобретения архивом, как было, например, с бумагами видного социалиста Григория Алексеевича Алексинского (1879–1967). Его командировали в Париж для изучения и оценки коллекции документов Николая Васильевича Чайковского (1850–1926) и переговоров с Сергеем Петровичем Мельгуновым (1879–1956) об их передаче в Прагу[25].

Наряду с Владимиром Андреевичем Францевым, Петром Бернгардовичем Струве, Никодимом Павловичем Кондаковым, Николаем Львовичем Окуневым он был среди тех ученых, кто в мае — июне 1923 г. собирался на заседания, посвященные историческим вопросам, и сам однажды сделал доклад «О новых исторических журналах, выходящих в России в 1922–1923 гг.». Эти встречи послужили основой для создания Русского исторического общества в Праге. А. В. Флоровский присутствовал на его первом заседании 7 апреля 1925 г. в помещении Минералогического института, и его подпись стоит под уставом этой организации. Он будет активно участвовать в работе общества, сделает немало сообщений и в 1937 г. даже будет избран его председателем. В этом качестве он при-

ложит большие усилия для создания русского исторического журнала. Но суровая действительность конца 1930-х гг. не даст воплотиться его планам в жизнь. Председательство А. В. Флоровского закончится скандалом, когда он в результате интриг и сугубо бытовых склок будет смещен со своего поста в марте 1940 г.

Сотрудничество с чехословацкими учеными

С конца 1920-х гг. А. В. Флоровский стал постепенно втягиваться в чехословацкую научную среду. Он начал сотрудничать со Славянским институтом, который привлекал русских историков к научным проектам. В качестве приглашенного лектора в ноябре — декабре 1929 г. в стенах Карлова университета он прочел курс «Из истории славянства», состоявший из трех лекций, посвященных восприятию Святого Вацлава и Яна Гуса в России, а также взглядам Ф. М. Достоевского на славянский вопрос. Благодаря материальной поддержке Славянского института Флоровский получил возможность совершить научные командировки и провести архивные исследования. Так он посетил Варшаву и Краков в 1930 г., Львов — в 1931 г., Рим — в 1936 г.

Министерство образования и народного просвещения Чехословакии 5 апреля 1932 г. согласилось присвоить А. В. Флоровскому степень доктора философии Карлова университета при условии, что он представит свою магистерскую работу либо некоторые прежние исследования в доказательство профессиональной квалификации и выдержит экзамен по философии. Антоний Васильевич предложил в качестве квалификационной работы свою одесскую книгу «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.»[26]. Официальное признание его ученой степени университетом открыло новые возможности. После смерти Александра Александровича Кизеветтера (1866–1933), в марте 1933 г., он получил приглашение читать вместо него курс лекций по русской истории в Карловом университете[27]. Однако работа эта была весьма нестабильной в материальном отношении. На это сам историк жаловался 20 апреля 1937 г. в письме к академику В. А. Францеву и сетовал, что Министерство образования и народного просвещения не видит возможности назначить его ординарным профессором, но предлагает вместо этого должность ординарного лектора. В этом случае заработная плата Флоровского вырастала бы на 100–150 чехословацких крон по сравнению с прежними 400 кронами, но учебная нагрузка увеличивалась бы вдвое! В то же самое время

историк получал пособие от Красного Креста в размере 850 крон, т. е. почти в два раза выше, чем жалование в университете. С горечью он писал своему коллеге: «Лучше быть пенсионером у Красного Креста и получать на бедность, чем унижать свое достоинство и терять независимость»[28]. С этой же просьбой он обратился к влиятельному чехословацкому историку Ярославу Бидло: «Я не берусь быть собственным судьею, но все же по моей академической квалификации, по профессорскому стажу и по научной работе и трудоспособности, я имею основание претендовать на большее, нежели лектора, и рассчитывать на приближение меня хотя бы к проф[ессору] Н. Л. Окуневу, который не имеет ни русской, ни чешской ученой степени и в России мог быть и был только доцентом». Но ни В. А. Францев, ни Я. Бидло помочь коллеге не могли[29]. Этот пример наглядно демонстрирует зыбкость положения ученого-эмигранта в чужой стране. Справедливости ради заметим, что получение профессуры в Карловом университете традиционно было (и остается) задачей предельно трудной даже для самих чехов. Не помогло Флоровскому даже получение докторской степени по русской истории, поскольку еще 3 января 1936 г. на публичном заседании Русской академической группы он защитил диссертацию «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. 1»[30]. Несмотря на то и дело возникавшие трудности, научный авторитет А. В. Флоровского в чехословацких научных кругах был высок. Показательно, что он был единственным русским историком, приглашенным профессором Йозефом Шустой для участия в написании многотомной «Истории человечества от древности до наших дней» наряду с видными чехословацкими учеными: Бедржихом Грозным, Ярославом Бидло, Отакаром Одложиликом, Бедржихом Мендлом[31]. Для VI тома (1939 г.) А. В. Флоровский подготовил обширные главы по истории России в эпоху Петра Великого и его преемников, а также об участии России в решении польского и восточного вопросов во второй половине XVIII в.[32]

Обращение к славистической тематике

К несчастью для А. В. Флоровского, в чехословацкой столице в начале 1920-х гг. не было должных возможностей для занятий русской историей XVIII в. В первые годы эмиграции он по инерции, опираясь на сделанные ранее черновики и выписки, продолжал писать статьи о екатерининской эпохе. Значение этих работ нельзя недооценивать, ибо в них

поднимались чрезвычайно важные вопросы, малоизученные в историографии, как, например, в случае со статьей о шведском переводе «Наказа»[33]. В своих неопубликованных мемуарных заметках он признавался: «Все начатое в России было оборвано, взятое мной с собой было достаточно для статей, [но] не для сосредоточенной разработки». А потому для него было чрезвычайно важно найти такую научную тему, которая была бы связана и с прежним увлечением российской историей, и с зарубежным славянским миром, в котором он теперь жил и работал. Именно в эмиграции расцвел талант А. В. Флоровского как ученого-слависта.

Еще в Софии он заинтересовался темой русско-болгарских отношений. По совету директора Этнографического музея Стилияна Чилингирова он обратил внимание на хранившийся в Национальной библиотеке и до сих пор не описанный фонд Временного русского управления в Болгарии, существовавшего в период с апреля 1877 г. по май 1879 г. Флоровский был первым ученым, кто обратился к этим документам и, главное, сделал их предварительный научный обзор. Результаты его работ были отражены в небольшой статье[34] и получили высокую оценку болгарских коллег, например именитого историка Стефана Бобчева. В дальнейшем интерес А. В. Флоровского к теме русско-болгарских связей генерировался 50-летним юбилеем войны за освобождение балканских славян 1877–1878 гг., а свое концентрированное выражение он нашел в докладе на V Съезде русских академических организаций за границей в сентябре 1930 г.[35]

История русско-чешских связей

Главной темой исследований А. В. Флоровского на долгие годы стало изучение русско-чешских отношений с древнейших времен и до начала XX в. Впоследствии он сделался крупнейшим специалистом в этой области. По подсчетам Л. П. Лаптевой, он посвятил этой теме около 50 различных работ[36]. По признанию Флоровского, впервые он задумался над возможностью изучения чешско-русских связей по совету жены в начале 1923 г. В тот момент эти сюжеты не увлекли его должным образом.

Летом 1924 г. А. В. Флоровский вернулся к размышлениям над русско-чешской тематикой и во время заседания эмигрантского клуба в пражском пригороде Збраславе сделал доклад о двухсторонних связях на ранних этапах истории, который имел большой успех. Осенью того же года он продолжит новую линию в тематическом докладе на III Съезде русских

академических организаций за границей. Флоровский интересовался в первую очередь ранним этапом русско-чешских отношений, что отвечало его давнему, пусть и эпизодическому, увлечению древнерусской историей. Попутно заметим, что в то же время он заинтересовался разбором «Книги опыта народов» арабского путешественника Ибн Мискавейха и содержащихся в ней сведений о Древней Руси[37]. В 1928 г. А. В. Флоровский выступил на конференции историков Восточной Европы в Варшаве с докладом об особенностях русско-чешских отношений. Теперь он почти ежегодно публиковал свои исследования по этой теме. Вершиной творчества ученого стала монография «Чехи и восточные славяне», первый том которой увидел свет в 1935 г. в Праге. Выход второй книги задержала Вторая мировая война, и она будет опубликована лишь в 1947 г.[38]

Работа А. В. Флоровского до сих пор остается непревзойденной и по широте охвата темы, и по количеству привлеченных источников — как опубликованных, так и извлеченных из архивов Чехословакии. Она представляет собой многоцветную картину культурных, религиозных, политических, экономических отношений между русскими и чехами на протяжении веков. Флоровский выбирал отдельные сюжеты и изучал их всесторонне (торговые связи Чехии и Моравии с Восточной Европой в X–XII вв., чешские струи в истории восточнославянского литературного развития XV–XVII вв., отголоски гуситского движения в восточнославянской среде и т. д.). Поэтому каждая глава книги сама по себе является законченным исследованием.

В своей концепции А. В. Флоровский исходил из различия исторических путей, пройденных чешским и русским народами: «Первый — с самого начала своего исторического бытия поставлен был в сферу влияния западного мира, мира римской церкви и немецкой политики, второй — в область воздействия Востока и Византии»[39]. При этом Флоровский приводил многочисленные примеры культурного и политического взаимодействия двух народов. Первые контакты он относил к раннему Средневековью, когда оформились дружественные и родственные связи между княжескими домами Руси и Чехии, развивалась взаимная торговля. Уже в конце X в. на Руси появились образцы славянских книг чешско-моравского перевода, в XI в. распространяется культ чешских святых Людмилы и Вацлава, в Чехии же признается почитание святых Бориса и Глеба[40].

Одним из первых он поднял вопрос о степени влиянии гуситства на восточнославянскую среду, изучив поездку в русские земли Иеронима

Пражского, посещение России в конце XV в. членом Общины чешских братьев рыцарем Марешем Каковецем, диспут о вере между Яном Рокитой и Иваном Грозным в 1570 г. и т. д. А. В. Флоровский проанализировал эволюцию взглядов русской общественно-исторической мысли на деятельность Яна Гуса и его последователей[41]. Он отмечал, что если в XVI–XVII вв. отношение к чешскому просветителю формировалось в основном под влиянием православной церкви, видевшей в нем еретика, то в XIX в. славянофилы выдвинули концепцию о Гусе как православном мученике и даже предлагали причислить его вместе с Иеронимом Пражским к лику святых. А. В. Флоровский не разделял этих романтических мифов, но при этом видел в учении Гуса «ноты славянской идеи», призванной противопоставить чешскую самобытность католическому универсализму и предвосхитившей национальное возрождение в конце XVIII в. Перелом во взаимоотношениях наступил в начале XVIII в. Важной вехой стало пребывание в Чехии в 1698, 1711 и 1712 гг. Петра Великого. А. В. Флоровский подготовил объемное исследование пражских легенд о русском царе, увы, оставшееся неопубликованным[42] (как, к слову, и немало других трудов историка).

Верхней границей своих исследований А. В. Флоровский поставил конец XVIII — начало XIX в. Лишь однажды, полемизируя с братиславским профессором Й. Ирасеком, преуменьшавшим значение и масштабы взаимоотношений между русскими и чехами, А. В. Флоровский опубликовал обзорную статью о двухсторонних связях в XIX в. Во-первых, он призывал обратить внимание на пребывание русских путешественников в Карлсбаде (Карловых Варах) и Мариенбаде (Марианских Лазнях), где они, несмотря на официальное господство немецкого языка, могли непосредственно соприкасаться с чешской культурной средой[43]. Во-вторых, он отмечал, что взаимные контакты тесно развивались в научно-технической сфере: чехи участвовали в постройке первой русской железной дороги, налаживали типографское дело и т. д. В качестве вывода А. В. Флоровский писал, что «чехи в России заняли настолько органическое место в различных областях жизни — науки, промышленности, педагогики, искусства, хозяйства и т. д., что без учета чешского элемента русской жизни в XIX в. никак нельзя считать историю русско-чешских отношений разъясненной»[44].

Пытаясь осмыслить разность исторических путей русских и чехов, А. В. Флоровский обратился к вопросу о соотношении византийских и латинских традиций в интеллектуальной жизни Восточной Европы[45].

Интерес к данной проблеме вылился в написание монументального труда о деятельности чешских иезуитов в России в конце XVIII — начале XVIII в.[46] В его основу легли многочисленные документы из чешских архивов, впервые введенные исследователем в научный оборот. Кроме того, А. В. Флоровский совершил поездку в Рим, где имел возможность поработать в ватиканских архивах и библиотеках, в частности познакомиться с документами из фондов Общества Иисуса (Fondo Gesuitico) в Архиве пропаганды веры. Миссия иезуитов в Москве, большинство членов которой происходило из чешских земель, с некоторыми перерывами существовала с 1684 по 1719 г., во время коренных и глубоких изменений, происходивших в России.

Историк писал, что «своим церковным и учительским влиянием иезуиты воздействовали как на представителей местных католиков, так и на московское окружение различных социальных слоев и разных возрастов»[47]. Неслучайно иезуитская школа в Москве стала предметом внимания самого царя Петра и его близкого окружения. В их глазах она была в первую очередь источником необходимых знаний и способом получения образования для молодежи, которые были так необходимы для России. И все же влияние иезуитов на русскую жизнь конца XVII — начала XVIII в. не стоит преувеличивать, лишь некоторые представители высших слоев поддались влиянию католических миссионеров. А. В. Флоровский рассматривал католичество как культурную силу, а потому его интересовали не столько проблемы взаимоотношения двух ветвей христианства в узком смысле слова, сколько история межкультурного диалога, проблемы интеллектуальных трансферов и взаимовосприятия. Так, он заинтересовался созданным в 1690 г. сочинением иезуита Иржи Давида (1647–1713) «Современное состояние Великой России, или Московии» и после долгих лет работы подготовил его комментированное издание[48].

Предчувствие войны. Работа в период немецкой оккупации

В конце 1930-х гг. дыхание грядущей войны в Европе ощущалось все отчетливее. Сгущались тучи и над Чехословакией, а потому все большее число русских эмигрантов задумывалось об отъезде из страны. А. В. Флоровский также не остался в стороне. В январе 1939 г. он осведомился о возможности перебраться в Америку у работавшего в Монреале физиолога Бориса Петровича Бабкина (1876–1950), с которым познакомился

еще во время беженских скитаний в Константинополе. Тот ответил коллеге и попытался обрисовать возможности работы в США или Канаде, сразу подчеркнув, что без хорошего знания английского языка устроиться практически невозможно[49]. Флоровский же владел им на недостаточно высоком уровне, но был готов в кратчайшие сроки выправить ситуацию. Он явно был в отчаянии от осознания невозможности сопротивляться переживаемым потрясениям и потому с горечью писал Бабкину: «Хотя я и историк, но — Вы можете себе представить, — как тяжело и утомительно быть жертвой исторического процесса и не чувствовать под ногами твердой почвы перед лицом приближающейся старости!»[50]

В марте 1939 г. словацкие националисты при поддержке Германии провозгласили Словацкую республику, а немцы вторглись в Прагу и объявили о создании Протектората Богемии и Моравии. Чехословацкое государство исчезло с политической карты. Эти обстоятельства заставили А. В. Флоровского форсировать отъезд. Известно, что в сентябре 1940 г. он пытался получить работу в США при посредничестве Толстовского фонда (Tolstoy Foundation). Однако ожидания успехом не увенчались, в конце мая 1941 г. ему и нескольким коллегам было отказано во въездных визах[51]. Дальнейших попыток выехать из Праги Флоровский не предпринимал в силу практически полной невозможности их осуществления.

Он остался без постоянного места работы, поскольку власти протектората закрыли все чешские высшие школы, включая Карлов университет. Как ни парадоксально, но он продолжал получать пособие от Министерства образования и народного просвещения, поскольку власти протектората сохраняли свои социальные обязательства по отношению к русским эмигрантам, пусть и в сильно урезанном виде. Притеснений со стороны новых властей он не испытывал, но и симпатий нацистам не выказывал, в пропагандистских акциях, в отличие от немалого числа своих коллег, не участвовал. А. В. Флоровский с головой ушел в науку. Это был его способ закрыться от вновь переживаемых исторических потрясений. Правда, писал он в стол, ибо все публикаторские начинания были предельно скованы цензурой.

Неожиданный поворот наступил на рубеже 1943–1944 гг., когда в его жизни возникла фигура Эдуарда Винтера, крупного немецкого историка с сомнительным моральным обликом. Он в течение жизни успеет поочередно побывать католическим священником, нацистом и академиком ГДР. В планы Винтера входило издание донесений немецких посланников при петербургском дворе в XVIII в. С предложением об участии в этом

проекте он и обратился к Флоровскому. Пикантность ситуации заключалась в том, что сотрудничество предлагалось по линии Фонда Рейнхарда Гейдриха (Reinhard-Heydrich-Stiftung), в котором Винтер возглавлял Отделение восточноевропейской интеллектуальной истории (Osteuropäische Geistesgeschichte).

Флоровского это предложение явно заинтересовало[52], однако от ежемесячной оплаты он отказался, предложив получать гонорар по итогам конкретно выполненной работы[53]. Компромисс, видимо, был достигнут, и в конце июля 1944 г. Антоний Васильевич заявил, что готов с осени приступить к совместной работе[54]. К сожалению, никаких свидетельств и практических результатов участия Флоровского в проекте немецкого профессора пока обнаружить не удалось. Архивные бумаги русского историка и в Праге, и в Москве хранят молчание. В конце 1944 г., согласно сохранившимся архивным документам, переписка А. В. Флоровского с Э. Винтером на долгие годы обрывается, чтобы возобновиться лишь в 1957 г.[55]

Советское гражданство

Окончание Второй мировой войны русский историк встретил в Праге. Разгром Германии и долгожданный мир в Европе побудили А. В. Флоровского, как и многих других эмигрантов, во многом изменить свое отношение к СССР[56]. Для историка первые послевоенные годы ознаменовались глубокими переменами. Еще в годы войны на волне патриотического подъема в эмигрантской среде родилось убеждение, что советский режим, защищая национальные интересы, постепенно эволюционирует. Это заставило их если не идейно примириться с советской властью, то взглянуть на нее по-другому — даже таких людей, как П. Н. Милюков и А. Ф. Керенский. Ограниченность сохранившихся источников не позволяет в полной мере реконструировать внутренний мир и жизненные ориентиры ученого.

Здесь стоит напомнить, что Вторая мировая война нанесла сокрушительный удар по русской научной диаспоре в чешских и словацких землях. Одни эмигранты уехали на Запад, боясь преследований со стороны коммунистов (Н. О. Лосский, М. М. Новиков, С. Г. Пушкарев), другие же предпочли по разным причинам остаться. Некоторые из них вскоре были арестованы советскими спецслужбами (Н. Е. Андреев, С. П. Постников, П. Н. Савицкий). Но были и те, кто принял советское гражданство, и даже

вернулся в СССР (Д. И. Мейснер). Патриотические чувства и вера в будущее своей Родины подтолкнули Антония Васильевича к принятию советского гражданства 13 декабря 1946 г.[57]

Это обстоятельство неожиданным образом отразится на его карьере. 23 марта 1947 г. профессора Милада Паулова и Карел Стлоукал на заседании профессорского совета философского факультета Карлова университета выступили с предложением назначить А. В. Флоровского ординарным профессором русской истории. Однако Министерство образования и просвещения отказало в этом ходатайстве, мотивировав свое решение тем, что иностранец не может претендовать на эту должность. Но после прихода к власти в Чехословакии коммунистов в феврале 1948 г. ситуация резко переломилась: в августе того же года Антоний Васильевич получил постоянную работу в Карловом университете. На новые чехословацкие власти советский паспорт действовал магически.

Первые встречи с советскими учеными

А. В. Флоровский был явно полон творческих планов и мечтал завершить прежние, прерванные войной проекты, например, издать заключительный том своего главного научного труда «Чехи и восточные славяне»[58]. Развитие своих исследований он видел в тесном контакте с советскими коллегами.

Вероятно, одним из первых советских историков, с которыми А. В. Флоровский познакомился после войны, был Аркадий Лаврович Сидоров (1900–1966), командированный в октябре 1946 г. в Чехословакию для чтения лекций по истории СССР с 1861 по 1917 г. и проведения семинара по истории Первой русской революции в Карловом университете[59]. В Праге он имел возможность познакомиться с русскими эмигрантами. Сам он вспоминал впоследствии: «Я довольно свободно чувствовал себя в Праге и часто встречался с представителями эмиграции, ставя регулярно в известность посольство об этих встречах»[60]. А. Л. Сидоров, в частности, общался с Александром Филаретовичем Изюмовым (1885–1951), бывшим сотрудником Русского заграничного исторического архива. О встречах с А. В. Флоровским в своих воспоминаниях он, к сожалению, не рассказывал. Но зато о самом А. Л. Сидорове несколько раз упоминал в письмах пражский профессор, что подтверждает факт их знакомства. Сохранилось и письмо А. В. Флоровского к советскому коллеге, датированное апрелем 1948 г.[61] Все эти контакты были не случайны.

А. Л. Сидоров, преподававший в МГИМО и в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) / КПСС, вскоре ставший проректором МГУ по научной и учебной работе гуманитарных факультетов, вероятно, с одобрения высшего руководства выступал в это время за активизацию контактов между советскими и чехословацкими академическими кругами и планировал приезд в Прагу видных советских историков: Владимира Ивановича Пичеты (1887–1947) или Евгения Алексеевича Косминского (1886–1959)[62]. Видимо, благодаря знакомству с советскими коллегами, в 1947 г. А. В. Флоровский опубликовал статью в журнале «Вопросы истории»[63].

Судьба Кондаковского института

После Второй мировой войны А. В. Флоровскому предстояло взять на себя директорство в Археологическом институте имени Н. П. Кондакова, некогда именитой организации, ныне же пребывавшей в глубоком кризисе. Профессор энергично взялся за возобновление нарушенных войной связей с коллегами из разных стран. В 1948 г. он с неподдельной радостью и оптимизмом писал знаменитому британскому археологу Эллису Миннзу (1874–1953) в Кембридж: «После нескольких лет молчания Институт вновь возвращается к жизни и возобновляет свою прежнюю научную и учено-издательскую деятельность. Институт рад возобновить свои деловые и дружественные связи со своими сотрудниками и друзьями...»[64]

Поддержку этому начинанию Антоний Васильевич надеялся найти со стороны АН СССР. В июле 1948 г. Флоровский обратился напрямую к ее вице-президенту Вячеславу Петровичу Волгину (1879–1962). Видимо, желая продемонстрировать лояльность советской стороне и заручиться высочайшей поддержкой, А. В. Флоровский осведомлялся у академика о целесообразности своего участия в международных съездах византинистов: «Очень прошу Вас не отказать сообщить мне — надлежит ли мне, как представителю русской научной организации, участвовать в этих съездах или хотя бы на одном из них. Я имею в виду прежде всего конгресс в Париже; брюссельский конгресс организуется под руководством проф[ессора] Анри Грегуара, отношение которого к СССР и русской науке вызывает серьезные возражения»[65]. К сожалению, неизвестно, что ответил Волгин, но ни в Париж, ни в Брюссель Флоровский не поехал.

Переговоры с АН СССР результатов не дали; политический климат менялся слишком быстро, а железный занавес опускался слишком

стремительно. Поэтому как бы ни старался А. В. Флоровский, как бы ни поддерживали его отдельные коллеги, какие бы проекты сотрудничества он ни выдвигал[66], исторические обстоятельства играли против него. Вновь в науку вмешалась политика. В СССР развернулись идеологические кампании. Тяжелый железный занавес отгородил Антония Васильевича от советских коллег, и приподнять его станет возможным лишь в годы хрущевской оттепели. Профессор обращался в советское посольство с просьбой решить наконец судьбу института. Но, как показали результаты исследований Е. П. Аксеновой, дипломаты должного интереса к нему не проявили. В июле 1951 г. Флоровский написал венгерскому византинисту Дюле Моравчику (1892–1972): «Институт Кондакова находится в состоянии анабиоза в силу разных обстоятельств»[67]. Вряд ли он имел тогда возможность описать коллеге все перипетии борьбы за возобновление работы знаменитой научной организации. В Москве пришли к выводу, что будет целесообразно передать институт и все его имущество чехословацкой стороне. Соответствующее решение было вынесено 17 августа 1951 г., а 2 января 1953 г. Археологический институт имени Н. П. Кондакова был официально закрыт[68].

Старые знакомые: Н. Л. Рубинштейн

А. В. Флоровский хотел возобновить контакты с одним из своих бывших студентов по Новороссийскому университету, а потому специально просил А. Л. Сидорова разыскать его и передать письмо. Этим бывшим студентов был Николай Леонидович Рубинштейн (1897–1963), к тому времени ставший уже известным ученым. Некогда он был слушателем лекций А. В. Флоровского по русской истории до XVII в., а также спецкурсов по исторической географии и русскому летописанию[69]. А. В. Флоровский не был его учителем в прямом смысле слова, хотя они довольно интенсивно общались. Н. Л. Рубинштейн продолжал писать профессору даже после того, как тот был выслан из Советской России. Он обстоятельно рассказывал о своей исследовательской работе и консультировался по текущим научным проблемам[70]. Важно отметить, что Н. Л. Рубинштейн был для профессора важным источником информации обо всем происходившем в Одессе, от него он узнавал о судьбах друзей и коллег, оставшихся на родине. Общение двух ученых носило нерегулярный характер, письма нередко пропадали. В конце 1923 г. переписка прервалась почти на год. Николай Леонидович не имел сведений о А. В. Флоровском и уже

подумал, что тот уехал из Праги[71]. В апреле 1925 г. он написал профессору о своих текущих занятиях декабристами и просил указать на новые иностранные и эмигрантские работы по теме[72]. Судя по сохранившимся архивным данным, после этого письма переписка надолго прервалась.

В 1931 г. Н. Л. Рубинштейн переехал в Москву, где сначала работал в различных издательствах и редакциях, затем преподавал в высшей школе, в том числе в Московском государственном университете. В мае 1940 г. он защитил докторскую диссертацию, а в 1941 г. увидела свет его «Русская историография», которая в тот момент была тепло принята научным сообществом и даже выдвинута на Сталинскую премию[73]. А. В. Флоровский об этой работе был осведомлен и потому в 1947 г. в первом письме за долгие годы разрыва написал Н. Л. Рубинштейну: «Рад был узнать о Ваших научных успехах и деятельности. Правда, из литературы я кое-что знал о Ваших трудах, хотя и неполно и случайно. В частности, меня очень обрадовала Ваша книга по русской историографии. Я только несколько дней держал ее в руках и не мог надлежащим способом ее изучить, но, во всяком случае, поздравляю Вас с нею. Если у Вас найдется лишний экземпляр, пришлите мне, это ведь настольная книга для нашего брата-историка»[74]. В этом же письме А. В. Флоровский подробно рассказал о своих текущих научных проектах: «Мои собственные работы сейчас связаны с эпохой Петра Великого. Правда, еще не исчерпан в печати запас моих прежних исследований из области чешско-русских отношений. Но именно от них я и перешел к эпохе Петра Великого, в частности, к вопросам его экономической и торговой политики в связи с судьбами силезско-украинской торговли (а попутно и чешской) и его политики в отношении католической церкви в связи с деятельностью в Москве иезуитов из Чехии и капуцинов. В этой области я собрал кое-какой новый материал и сейчас обрабатываю его»[75].

В июле 1947 г. А. В. Флоровский получил ответ из Москвы, в котором Н. Л. Рубинштейн выражал огромную радость по поводу возобновления общения и посылал в дар учителю несколько своих статей, рассказывал о новых направлениях своей работы: «Хочу Вам сказать, что я не только “историограф” и сейчас полностью, с головой, ушел в XVIII в.»[76]. Он называл А. В. Флоровского одним из ведущих специалистов по истории XVIII в. и напоминал, что его собственные научные занятия начались с изучения Уложенной комиссии: «Знаю, что и Вы много работали это время, и, судя по Вашему письму, возвращаетесь сейчас к XVIII в., хотя и к несколько более раннему периоду, к Петровскому времени»[77]. Н. Л. Ру-

бинштейн делился задачами на ближайшее будущее: «...в первую очередь предстоит готовить новое издание моей историографии, которую следует перерабатывать довольно основательно, а сдавать надо ее в начале 1948 г. Вообще, планов работы в голове много»[78]. Он был полон оптимизма и неуемной творческой энергии. Дух надежд и обновления пока еще не окончательно рассеялся и в советском обществе.

В ответном письме А. В. Флоровский жаловался, что в Праге недостает новейших изданий по петровской эпохе и что эту проблему он пытается решить путем установления активных контактов с советскими исследователями. Такой контакт он хотел найти в лице Александра Игнатьевича Андреева.

«Письма и бумаги Петра Великого»

В марте 1947 г. в Москву на имя А. И. Андреева пришло любезное письмо от А. В. Флоровского. Тот выражал глубокое уважение адресату, проявлял большой интерес к работам советских коллег и искренне заверял в готовности сотрудничать. «Я был бы весьма Вам признателен — и, думаю, что это было бы к пользе дела вообще, — если бы Вы признали возможным войти со мной в близкий контакт в области изучения Петровской эпохи. Со своей стороны я готов помочь делу, чем могу, кое-что для Москвы остается недоступным, я мог бы расследовать соответствующий материал здесь или в ином месте в Европе. Во всяком случае, мог бы информировать Вас и круг Ваших сотрудников о новинках европейской литературы по эпохе Петра Великого», — говорилось в послании[79].

Пражский профессор сообщал, что от А. Л. Сидорова узнал о работавшей под руководством А. И. Андреева группе по изучению Петра Великого. Он писал, что сам в течение последних лет занимался петровской эпохой и что в 1941 г. издал в Праге книгу о чешских иезуитах, рассмотрев в ней и вопрос о католическом влиянии в России на рубеже XVII–XVIII вв. Помимо того, он интересовался экономической — особенно торговой и таможенной — политикой Петра Великого, а в настоящее время сосредоточил внимание на исследовании дипломатических отношений России и Австрии в первой четверти XVIII в. А. В. Флоровский специально подчеркивал, что все свои работы он строил на материалах зарубежных архивов. При этом он сетовал, что ему остаются недоступны многие работы советских авторов, и поэтому просил информировать его об изучении петровской эпохи в СССР и по возможности присылать новейшие

работы ему лично, библиотеке исторического семинара Карлова университета или Славянской библиотеке. Письмо это было передано в Москву лично А. Л. Сидоровым и вызвало огромный интерес со стороны получателя.

А. И. Андреев принадлежал к числу талантливейших ученых-археографов первой половины XX в. В сентябре 1944 г. он возглавил группу по изучению эпохи Петра Великого в Институте истории АН СССР[80]. Он взялся за дело с огромным интересом и необычайной энергией, собрав вокруг себя талантливых и целеустремленных единомышленников: Н. А. Бакланову, А. П. Глаголеву, Т. К. Крылову, Е. П. Подъяпольскую и С. А. Фейгину[81]. Общими усилиями и в условиях огромного интеллектуального напряжения в кратчайшие сроки был подготовлен второй выпуск VII тома «Писем и бумаг императора Петра Великого».

27 марта 1947 г. А. И. Андреев составил подробный ответ А. В. Флоровскому, в котором обрисовал первые итоги работы своей научной группы, назвал советских историков, занимающихся петровской тематикой, описал кратко основные направления их работы. А. И. Андреев признавал, что в СССР крайне обрывочно знают иностранную литературу о Петре и поэтому предложение А. В. Флоровского о содействии оказывается весьма своевременным: «Мы будем признательны Вам, если Вы возьмете на себя это дело — обзор иностранной литературы о Петровской эпохе... Нами уже подготовлен второй сборник “Петр Великий”, готовим третий — в один из них мог бы войти Ваш обзор...»[82]

30 апреля 1947 г. А. И. Андреев через чехословацкого историка Зденека Неедлы передал А. В. Флоровскому вторую часть VII тома «Писем и бумаг», который вышел в начале апреля, и сообщил о скорой присылке сборника статей «Петр Великий»[83]. Таким образом, А. И. Андреев показал свою заинтересованность в сотрудничестве с А. В. Флоровским, который мог помочь в работе с зарубежными архивами, недоступными в тот момент для ученых из СССР.

Контакты двух историков развивались довольно интенсивно. В личном фонде А. В. Флоровского в Архиве РАН сохранился черновик его письма к А. И. Андрееву, датированный 17 октября 1947 г.[84] Он представляет собой набросок вопросов и предложений к московскому коллеге. А. В. Флоровский перечислял изучаемые им сюжеты, например деятельность капуцинов в России, взаимоотношения Петра с Австрией, торговые отношения с Силезскими землями и др. В этом же письме он поднял вопрос о рукописи воспоминаний Филиппе Балатри, итальянского музыканта,

приглашенного князем П. А. Голицыным по рекомендации герцога Козимо III Медичи на службу в Россию и прожившего в ней с 1698 по 1701 г. В 1930-х гг. ее обнаружил живший в Праге выдающийся русский почвовед и гидролог Павел Владимирович Отоцкий (1866–1954), большой знаток и ценитель антикварных книг. Он предполагал издать эту рукопись и обращался за консультациями к А. В. Флоровскому. Но проект так и не состоялся. Сам П. В. Отоцкий после войны выехал в Швецию, а воспоминания Ф. Балатри продал[85].

Вскоре А. В. Флоровский отправил А. И. Андрееву свою книгу о чешских иезуитах с просьбой передать ее в подходящую библиотеку Москвы[86]. В письме, приложенном к посылке, он лестно отозвался о трудах самого А. И. Андреева, посвященных Академии наук и М. В. Ломоносову, припомнив, что некогда касался в собственных научных штудиях истории Академии в екатерининскую эпоху[87]. А. В. Флоровский подробно рассказывал о своих текущих научных делах и осведомлялся о возможности публикации своей статьи в Москве: «Лекции и иные спешные занятия задерживают мои изыскания по истории Петра Великого. В настоящее время у меня имеется уже законченная статья о пражских легендах о Петре Великом, т. е. разъяснение того, как могли возникнуть известные рассказы о пребывании Петра Великого в Праге в 1698 году, хотя в действительности Петр лишь проехал через Прагу. Я использовал пражский и брненский архивный материал для освещения обстоятельств этого проезда и попытался выяснить, на основе каких фактов могли эти пражские легенды возникнуть в XVIII веке. Я хотел бы издать этот свой очерк по-русски еще в этом же году — исполняется 250 лет со времени этого проезда Петра через Прагу. Но, может быть, придется согласиться на чешское издание. Если какая-нибудь возможность напечатать подобный очерк в Москве»[88]. Увы, эти надежды и ожидания окажутся разбитыми политическими реалиями.

Железный занавес опускается

Летом 1947 г. против А. И. Андреева началась кампания «критики» с обвинениями в «преклонении перед Западом» и его учителем — А. С. Лаппо-Данилевским[89]. Это было только начало травли. В скором времени в печати появилось несколько разгромных рецензий на сборник «Петр Великий». Они стали прелюдией к заседанию сектора истории СССР Института истории, на котором сборник подвергся беспощадному

идеологическому разгрому, а его авторы, обвиненные еще и в «буржуазном объективизме», были вынуждены оправдываться[90]. В итоге А. И. Андреев был отстранен от подготовки второго тома сборника «Петр Великий», который он анонсировал А. В. Флоровскому весной 1947 г. и который в результате так и не был опубликован. Сотрудники А. И. Андреева были разогнаны.

В письме к А. В. Флоровскому от 27 марта 1947 г. А. И. Андреев сообщал о завершении своей ученицей, Софьей Ароновной Фейгиной (1897–1983), докторской диссертации о внешней политике России на заключительном этапе Северной войны и Аландском конгрессе. Вместо этого Софью Ароновну 1 марта 1949 г. уволили из Института истории СССР, но после ходатайства ряда видных историков вновь приняли. Высшая аттестационная комиссия отказалась утверждать докторскую степень. Пришедший на должность заместителя директора Института истории СССР А. Л. Сидоров приложил все усилия для увольнения С. А. Фейгиной, что и произошло 27 июля 1953 г.[91] Жестокая ирония судьбы заключалась в том, что еще несколько лет назад А. Л. Сидоров передавал А. И. Андрееву письмо от А. В. Флоровского, в котором пражский профессор проявлял глубокий интерес к трудам советских коллег, в том числе и С. А. Фейгиной. Между прочим, в 1948 г. именно А. Л. Сидоров также сыграл злую роль в судьбе Н. Л. Рубинштейна, которому всего год назад передавал письмо от А. В. Флоровского[92].

Разбитые ожидания

В изменившихся политических и идеологических условиях советские ученые должны были не просто противостоять «буржуазной науке», но и доказывать национальные приоритеты во всех областях, беспощадно критиковать разного рода «фальсификаторов». Русские историки-эмигранты превращались в злейших врагов. С началом холодной войны это особенно коснулось тех русских эмигрантов, кто оказался в США. От имени редакции «Вопросов истории» во втором номере за 1949 г. была опубликована статья, направленная против «буржуазных космополитов» в исторической науке[93]. Высказывается мнение, что она стала ответной реакцией на начало издания в США многотомной «Истории России» Г. В. Вернадского[94], объективно противостоявшей советскому проекту подготовки «Очерков истории СССР» в девяти томах, изданных позднее, в 1953–1958 гг.

А. В. Флоровский «Вопросы истории» читал и даже успел опубликовать на их страницах статью в 1947 г.[95] Хорошо знал он и Г. В. Вернадского, вместе с которым в 1920-х гг. работал на Русском юридическом факультете, состоял членом Русского исторического общества и некоторых других эмигрантских организаций. Оба историка активно переписывались на протяжении многих лет. Они не были близкими друзьями, во многом занимали разные научные позиции, но, несмотря на это, глубоко уважали друг друга. Известно было А. В. Флоровскому и о текущей научной работе Г. В. Вернадского. В апреле 1947 г. он написал коллеге в США: «Знаю, что Вы издали первый том Истории России и англ[ийский] перевод Рус[ской] Правды и др. — но еще в руках не держал»[96]. Полемические выпады в журнале в адрес американского коллеги едва ли остались незамеченными А. В. Флоровским. В сохранившихся письмах двух ученых мы, правда, не находим ни одного намека на обсуждение идеологических кампаний в СССР.

Объяснение этого можно искать в том, что А. В. Флоровский юридически уже не был эмигрантом, поскольку получил в 1946 г. советский паспорт. На научные обобщения русской истории, подобно Г. В. Вернадскому, он тоже не претендовал, сосредоточившись на узких, конкретных сюжетах, довольно далеких от современных политических реалий[97]. И в глазах новых чехословацких властей он все равно не выглядел полностью благонадежным.

В самой Чехословакии, где в феврале 1948 г. к власти пришли коммунисты, президент Э. Бенеш, хорошо знакомый русским эмигрантам, в июне ушел в отставку. В Чехословакии начал формироваться социалистический режим по советскому образцу со всеми соответствующими атрибутами[98]. Даже ревностный коммунист А. Л. Сидоров с некоторым недовольством вспоминал, что, по примеру советской практики, часть научной литературы в пражских библиотеках попала под запрет или была уничтожена[99]. Начались показательные судебные процессы, скроенные по советским лекалам.

Как уже было сказано ранее, А. В. Флоровский в 1948 г. получил наконец постоянную работу в Карловом университете — должность ординарного профессора[100]. Указ об устройстве на работу был подписан уже новым президентом республики — Клементом Готвальдом (Klement Gottwald; 1896–1953). Вот только марксистом профессор А. В. Флоровский так и не стал, о чем прямо говорилось в его личном деле[101]. Сам он продолжал следовать дореволюционной научной модели, т. е., с точки

зрения советской пропаганды, мог бы стать идеальной мишенью для обвинения в «буржуазном объективизме», «реакционных взглядах» и «космополитизме». В изучении истории в СССР с новой силой вернулись к классовому подходу[102]. Позитивистская концепция, которой придерживался А. В. Флоровский, явно не вписывалась в эту модель. Видимо, сам он прекрасно понимал это.

Пребывание под немецкой оккупацией научило его осторожности. Жизнь в послевоенной социалистической Чехословакии требовала выработки новой модели поведения. Его вряд ли можно назвать конформистом и обвинить в чрезмерной лояльности новому режиму. Он всегда сторонился политики. Для него наука была смыслом жизни. Поэтому и делал он то, что было полезно для науки.

И все же А. В. Флоровский и после 1948–1949 гг., когда письма из Москвы или Ленинграда внезапно перестали приходить[103], не оставлял попыток наладить сотрудничество с советской стороной. Он вновь и вновь предлагал свои услуги АН СССР. Знал ли А. В. Флоровский о фактическом разгроме группы по изучению Петра Великого к концу 1940-х гг.? Понимал ли истинные обстоятельства прерывания контактов с советскими учеными и причины молчания А. И. Андреева? Документальных подтверждений на сей счет не имеется. Но понятно, что в таких условиях международные научные связи не могли развиваться, а наличие корреспондентов за пределами страны могло стать отягчающим обстоятельством. Переписка А. В. Флоровского с советскими коллегами прекращается на несколько лет, чтобы возобновиться с новой, необычайной силой уже в годы хрущевской оттепели[104].

В социалистической Чехословакии

В 1955 г. в Праге выходит работа А. В. Флоровского «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого», которая, по мысли автора, должна была обобщить некоторые итоги его исследований о петровском времени[105]. В 1950–1960-е гг. именно эта тема станет главной в его научном творчестве. Интерес к ней у ученого сформировался вполне органично. Несомненно, сказывалась прежняя — еще дореволюционная — специализация на екатерининской эпохе, способствовавшая обращению ко всей истории XVIII в. для уяснения механизма социальной, политической и экономической эволюции Российской империи. Среди лекционных курсов, читавшихся Флоровским в Карловом университете в 1930-х гг.,

был курс о Петре Великом, рукописные материалы которого сохранились в его пражском архиве[106]. Другим источником научного вдохновения стало изучение русско-чешских и русско-австрийских отношений, открывшее дорогу для освещения широкого круга сюжетов, связанных с политикой России в Центральной и Восточной Европе в первой четверти XVIII в.[107] Так постепенно у профессора сформировался интерес к петровской дипломатии, образу царя-реформатора в сознании европейцев, российско-европейским интеллектуальным связям и т. д. Причем А. В. Флоровский положил в основу своих исследований широчайший круг австрийских и чешских архивных материалов, многие из которых до него вообще не попадали в поле зрения ученых. В его личном фонде в Славянской библиотеке в Праге сохранились огромный массив архивных выписок, копий документов и объемная переписка с различными архивами. Флоровский не переставал интересоваться историей чешско-русских отношений, хотя она явно отошла на второй план. В 1954 г. он опубликовал фундаментальную работу о чешско-русских торговых связях в X–XVIII вв.[108], на основе которой ему в 1957 г. пришлось защищать диссертацию доктора исторических наук (этого потребовал новый чехословацкий закон).

Однако положение А. В. Флоровского в послевоенной чехословацкой научной среде трудно считать безоблачным. В 1958 г. он будет жаловаться в письме к своему старому приятелю, востоковеду Владимиру Федоровичу Минорскому (1877–1966): «Все меня тревожит необходимость для разысканий моих попасть как-нибудь в Вену, Лондон и Париж, конечно, и в Голландию — ради дополнения моих сведений архивных. Но это теперь так трудно из-за валютных стеснений у нас, что прямо руки опускаются. Надо бы в свое время завести какой-нибудь значительный денежный фонд за границей, чтобы отсюда ехать совсем без денег!»[109] То есть он был ограничен в передвижениях и не смог получить ни одной командировки за рубеж. В своей автобиографии, составленной в 1960 г. для В. Т. Пашуто, он упоминает о «препятствиях формального характера»[110]. Ими стали регулярные отказы в обмене валюты. В социалистической Чехословакии это была практикуемая отговорка для воспрепятствования поездки за границу неблагонадежных, с точки зрения властей, лиц. При этом официально такое путешествие никто не запрещал, но реально без валюты его невозможно было осуществить. Почему эта практика распространилась на А. В. Флоровского, остается загадкой.

Оттепель и новые надежды

В то же самое время в Москве готовился к изданию X том «Писем и бумаг императора Петра Великого», вышедший в 1956 г.[111] Появление нового тома «Писем и бумаг» послужило для А. В. Флоровского поводом к попытке возобновить контакты с советскими учеными. В своей монографии 1955 г. он специально отмечал вклад советских историков: «Искренне приветствуем... обращение советской историографии к темам истории дипломатии и русской международной политики — эти заслуживающие полного научного внимания проблемы в былое время не пользовались особым признанием и оставались обычно на втором, третьем плане в развитии русской исторической мысли»[112].

Другим поводом стал очередной приезд в Прагу в 1957 г. А. Л. Сидорова, который к тому моменту пережил очередную идейную метаморфозу. А. В. Флоровский встретился с ним и поинтересовался судьбой «Писем и бумаг императора Петра Великого», поделился рядом критических замечаний в адрес нового тома, отметил пропуски в документах и выразил готовность оказать посильную помощь в дальнейшей работе. А. Л. Сидоров информировал А. В. Флоровского о новейших исследованиях петровской эпохи и особо отметил скорый выход книги С. А. Фейгиной об Аландском конгрессе[113] — той самой С. А. Фейгиной, которую он еще недавно беспощадно клеймил и подвел к увольнению из Института истории. Но времена изменились, а вслед за ними — и А. Л. Сидоров. В Москве он поделился с коллегами впечатлениями о встрече с А. В. Флоровским[114].

Антоний Васильевич сумеет уловить дуновение хрущевской оттепели, сулившей большие перемены в интеллектуальной жизни. В середине 1950-х гг. он делает новую попытку установить контакты с коллегами в СССР. На этот раз ему это удается. Знаковым событием в его «научной репатриации» станет сотрудничество в деле подготовки издания «Писем и бумаг императора Петра Великого»[115].

В конце марта 1958 г. на пражский адрес А. В. Флоровского пришло письмо на официальном бланке Института истории АН СССР, подписанное Владимиром Григорьевичем Трухановским (1914–2000), исполнявшим в тот момент обязанности директора, и Алексеем Андреевичем Новосельским (1891–1967), заведовавшим сектором публикации. В письме говорилось о возобновлении в 1946 г. издания «Писем и бумаг императора Петра Великого». Складывается впечатление, что авторы не знали

о прежних контактах А. В. Флоровского и А. И. Андреева. Отмечалась необходимость выявления нового круга документов, в том числе зарубежных источников, и поэтому сотрудничество с А. В. Флоровским признавалось крайне желательным[116]. Получение этого письма воодушевило пражского историка, лучшим свидетельством чему стал его пространный ответ от 23 марта 1958 г., в котором он подтвердил готовность к всеобъемлющему сотрудничеству[117].

Поездка в СССР

Познания А. В. Флоровского оказались чрезвычайно востребованы, у него установилась переписка с крупными советскими учеными: А. А. Новосельским, А. А. Зиминым, В. Т. Пашуто, В. В. Похлебкиным, П. Н. Берковым, Д. С. Лихачевым и др. Особенно доверительным стало его эпистолярное общение с Еленой Петровной Подъяпольской (1895–1986)[118]. Удивительно, но их судьбы уже однажды случайно пересеклись. В 1916 г. еще совсем юная Е. П. Подъяпольская присутствовала на защите диссертации А. В. Флоровского об Уложенной комиссии в Московском университете[119]. Не менее теплым и открытым будет общение с ленинградским ученым Владимиром Ивановичем Малышевым. К примеру, в 1963 г. Антоний Васильевич поинтересуется у него обстоятельствами скандала вокруг книги А. А. Зимина про «Слово о полку Игореве», о котором до него долетали лишь обрывочные слухи[120].

«Возвращение» Флоровского выразилось и в его публикаторской активности на Родине. В 1950–1960-х гг. он старался печатать свои работы прежде всего в СССР. Его заветным желанием была публикация итогового труда о петровской дипломатии. Он вел долгие переговоры с разными издательствами, которые, увы, закончились ничем. Свой главный труд окончить он так и не успел. Отдельные его части, правда, еще при жизни ученого печатались в виде статей. По этому поводу Флоровский писал в декабре 1966 г. литературоведу Павлу Наумовичу Беркову, с которым у него установились доверительные отношения: «Пытаюсь устроить отдельные их части в разных изданиях в СССР и вне Союза. Не строю никаких иллюзий, явно не увижу всего, много написанного, в печати. Но кое-что существенное рассчитываю еще увидеть»[121]. Некоторые фрагменты книги будут опубликованы уже посмертно его чешской ученицей и горячей почитательницей таланта — Аленой Завадовой (1931–1998)[122]. По ее словам, они являли собой «последние типичные образцы

историографического стиля проф[ессора] Флоровского, его исключительного умения излагать отдельные эпизоды в широком историческом контексте»[123].

В августе — сентябре 1967 г. профессор вместе с супругой посетил СССР. Его пригласила Белорусская академия наук на празднование 450-летия белорусского книгопечатания, поскольку А. В. Флоровского давно занимала биография Франциска Скорины и ему он посвятил несколько работ. Из Минска он совершил путешествие в Ленинград и Москву. Он встретился с коллегами, успел немного позаниматься в архивах и библиотеках и выступить с публичным докладом в Московском университете, который, по отзыву Е. П. Подъяпольской, был сделан «с такою легкостью, граничащею с изяществом, свойственным французам, но насыщенный глубоким содержанием, пронизанный великолепным знанием материала»[124].

А. В. Флоровский очень хотел увидеть С. А. Фейгину, о которой так много слышал и с которой имел возможность познакомиться по переписке в конце 1950-х гг. В письме к ней от 30 мая 1959 г. профессор поблагодарит ее за присылку столь долгожданной монографии об Аландском конгрессе[125]. Книга пришлась как нельзя кстати, ибо А. В. Флоровский как раз дорабатывал главу книги о русско-австрийских отношениях в 1716–1721 гг.[126] С. А. Фейгиной некоторые работы Антония Васильевича были известны[127]. Во всяком случае, она отзывалась о них очень уважительно и ссылалась на них в своем главном научном труде[128]. А. В. Флоровскому внимание и уважение С. А. Фейгиной было приятно, о чем он признавался в письме в Москву[129]. Но одновременно в том же майском послании 1959 г. он недоумевал, почему коллега отнесла его труды к иностранной историографии. Он подчеркивал, что является истинным русским, что отец его происходит из-под Великого Новгорода, а мать — из Степной Украины, что волею судьбы оказался в Чехии и теперь работает тут[130].

К сожалению, встретиться лично ученым тоже не удалось. Во время последнего приезда А. В. Флоровского в Москву в 1967 г. С. А. Фейгина оказалась в отпуске, в 100 км от столицы, и не имела возможности вернуться: «Мы знакомы только письменно, а хотелось бы побеседовать — у нас так много общих научных интересов. Конечно, послушать Ваш доклад в Университете мне было бы крайне интересно. Но не повезло на сей раз! Надеюсь только, что это не последний Ваш приезд в Москву и мы еще повидаемся»[131]. Увы, повидаться историкам так и не получилось.

Антонию Васильевичу не придется исполнить заветную мечту —посетить родную Одессу, образ которой всегда жил в его памяти. Неслучайно в стихотворении, сочиненном им на Пасху 1962 г., есть такие строки:

Христос воскрес, воскрес Христос!
Ответ: «Воистину воскресе!»
Я в Праге возглас произнес,
А эхо слышится в Одессе...[132]

Но, вне всякого сомнения, поездка на Родину произвела на Флоровского огромное впечатление. Его брат, Георгий, так отозвался об этом путешествии в письме к П. Н. Беркову: «Поездка в Минск и дальше произвела на моего брата сильнейшее и незабываемое впечатление. Между прочим, ему было особенно приятно побывать снова в тех архивах, в которых он так усердно работал много лет назад»[133]. Свидание с Родиной станет последним большим путешествием в жизни Флоровского — 27 марта 1968 г. он уйдет из жизни.

Встреча двух Россий

Контакты Антония Васильевича Флоровского с советскими историками во второй половине 1940-х — 1960-х гг. представляют собой интересный пример встречи двух Россий — Советской и Зарубежной. И хотя некоторые из коллег пражского профессора начали свой творческий путь еще до революции, они все же были обречены жить и работать в специфических условиях, характеризуемых репрессиями, идеологическим гнетом и закрытостью от внешней среды. Об этом поколении очень точно выразился академик Аполлон Борисович Давидсон: «Жизнь заставляла их быть осторожными. Они не раскрывались даже перед близкими. Не писали мемуаров, жгли свои архивы, в письмах изъяснялись обиняками»[134]. И, полагаю, А. В. Флоровский эти особенности понимал и замечал. Впрочем, ему самому на склоне лет приходилось проявлять определенную осторожность: сначала в годы немецкой оккупации Праги, а затем уже в коммунистической Чехословакии.

В своих послевоенных контактах Антоний Васильевич столкнулся и с новым поколением советских историков, с теми, кто полностью формировался уже в новых обстоятельствах. Его общение с советскими коллегами стало активно развиваться в тот момент, когда история

послереволюционной Зарубежной России, уместившаяся в узкие рамки межвоенного периода, по сути, закончилась. Но именно в 1950–1960-е гг. русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них складывается ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому таким важным казалось зафиксировать его и сохранить для будущего[135]. Отсюда, полагаю, еще один важный мотив деятельности А. В. Флоровского: он хотел передать коллегам свой интеллектуальный опыт и вместе с тем стремился напомнить о творческом наследии всей российской научной эмиграции. В 1965 г. он не без упрека писал Е. П. Подъяпольской: «Слишком слабо учитывается, что за границей СССР все же кое-что делалось и сделано для русской науки и уже нельзя обходить молчанием и наши, и иностранные-иноязычные исторические труды. Хотя бы, напр[имер], заграничные... издания мемуаров таких русских историков, как Кондаков, Милюков, Кизеветтер, Платонов и т. д., и т. д.!»[136] Он не любил, когда его самого на Родине относили к категории иностранных исследователей. Неслучайно, в письме к В. Т. Пашуто он признавался, что воспринимает жизнь на чужбине как «только командировку за пределы СССР»[137]. Значителен был вклад Флоровского в чехословацкую историографию, в первую очередь за счет его фундаментальных работ по истории русско-чешских отношений. И хотя эти труды носят явный позитивистский характер, что нередко критиковалось еще современниками, они до сих пор в значительной мере остаются непревзойденными по широте охвата источников и глубине постановки вопросов. Но все же следует признать, что прямых учеников из чехословацкой среды у профессора Флоровского было немного. Помимо уже названной А. Завадовой, следует упомянуть Милана Шванкмайера (1928–2003), который слушал лекции русского ученого в Карловом университете [138], хотя идейное влияние на него Флоровского не следует преувеличивать.

Антоний Васильевич много внимания уделял необходимости сохранения эмигрантского наследия. Поэтому и свой личный архив он завещал советской стороне. Однако бумаги по иронии судьбы оказались разделены между Прагой и Москвой[139]. Вхождение в советскую научную среду стало не просто личным выбором ученого, но и выражением его принципиального взгляда на путь русской эмиграции, которая должна была на чужбине сохранять и приумножать культурное наследие. Флоровский был уверен, что работал на благо Родины и что рано или поздно результаты его упорных трудов окажутся там востребованы. Усилия его в самом

деле не прошли напрасно. Современные исследователи пристально изучают творческое наследие историка[140]. Сегодня труды А. В. Флоровского неизменно цитируют специалисты по истории русско-австрийских и русско-чешских отношений, по российской истории XVIII в., в особенности петровской эпохи. Намеченные им исследовательские маршруты получили достойное продолжение и в отечественной, и в зарубежной историографии[141].

Комментарии

[1] Здесь цитируется «Автобиография А. В. Флоровского». Документ находится в неописанной части личного фонда историка в Славянской библиотеке в Праге (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOR (далее — SK. T-FLOR)), а потому не имеет архивных шифров. При дальнейшем его цитировании в сносках будет указываться: «Автобиография А. В. Флоровского».

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. Оп. 230. Д. 8950. Л. 1.

[3] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1035. Оп. 1. Д. 38. Л. 127 об. — 128.

[4] *Флоровский А. В.* Из истории Екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910.

[5] *Галяс В.* Русский историк-славист А. В. Флоровский // Дерибасовская — Ришельевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. Кн. 15. Одесса, 2003. С. 13.

[6] *Музичко О.* Маловідомий українознавчий рукопис А. В. Флоровського: уведення до історіографічного контексту // Чорноморська минувшина: Збірник наукових праць. Одеса, 2010. Вип. 5. С. 79.

[7] См., например: *Аксенова Е. П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Т. 1. С. 95–100.

[8] *Першина З. В.* Історія України в працях одеських дослідників // Український історичний журнал. 1994. № 6. С. 57; *Калінку В. В.* Первинний погляд на бібліографію творів Антонія Флоровського: «Одеський» період // Вісник Одеського Національного Університету. 2009. Т. 14. Вип. 19. Сер. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. С. 156.

[9] *Флоровский А. В.* Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915.

[10] Биография А. В. Флоровского (1960) // Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 237–238.

[11] Автобиография А. В. Флоровского.

[12] *Галяс В.* Указ. соч. С. 14.

[13] Автобиография А. В. Флоровского.

[14] *Галяс В.* Указ. соч. С. 17.

[15] *Флоровский А. В.* Собрание высочайших грамот и указов в архиве упраздненного Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторского управления.

Одесса, 1912; *Он же.* Из бумаг М. М. Кириакова // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1915. Т. 32. С. 26–41.

[16] *Флоровский А. В.* Несколько слов из истории русской колонизации Новороссии в начале XIX в. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1919. Т. XXXIII. С. 25–40.

[17] *Флоровский А. В.* «Воля панская» и «воля мужицкая». Страница из истории аграрных волнений в Новороссии 1861–1863 гг. Одесса, 1921.

[18] *Галяс В.* Указ. соч. С. 18.

[19] Списки интеллигенции из Украины, подлежащих высылке, публикуются в: В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. Сборник документов и материалов / Под ред. М. Е. Главацкого. М.: Русская панорама, 2008. С. 158–174.

[20] *Галчева Т. Н., Голубович И. В.* «Понемногу приспосабливаюсь к “независящим обстоятельствам”». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015. С. 35–38.

[21] Автобиография А. В. Флоровского.

[22] *Флоровский А. В.* Новый взгляд на происхождение «Русской Правды» // Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. 1912. Т. I. Вып. 4. С. 97–122.

[23] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (далее — BAR). George Vernadsky Papers. Box. 32. Florovskii, A.V.

[24] *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 128–130.

[25] *Ковалев М. В.* Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы публикации документальных памятников // Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). М., 2017. С. 175–182.

[26] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 5, 7.

[27] Там же. Л. 12.

[28] *Досталь М. Ю.* Из переписки В. А. Францева. (Письмо В. А. Францева В. С. Иконникову, письма А. В. Флоровского В. А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 106.

[29] Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (далее — MÚA). F. Jaroslav Bidlo. Sign. IIb. Kart. 3. Inv. č. 162.

[30] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–2; MÚA. F. Jaroslav Bidlo. Sign. IIb. Kart. 3. Inv. č. 162.

[31] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 495. Л. 1–3; *Blüml J.* Šustovy dějiny lidstva // Věda v Českých zemích za druhé světové války. Praha, 1998. S. 271–278.

[32] *Florovskij A. V.* Rusko Petra Velikého a jeho nejblizšich nástupců // Dějiny lidstva od pravěku k dnešku. D. VI. Praha, 1939. S. 207–246; *Eadem.* Rusko, Polsko a východní otázka v 2. polovině 18. věku // Ibid. S. 419–464

[33] *Флоровский А. В.* Шведский перевод «Наказа» Императрицы Екатерины II // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. С. 149–159.

[34] *Флоровский А. В.* Архив на руското гражданского управление в България през 1877–1879 гг. // Юридически преглед. 1925. Кн. 2. С. 57–61.

[35] *Florovskij A. V.* Ruské veřejné mínění v předvečer a za osvobozenské války 1877–1878 // Rusko v boji za osvobozeni balkanských slovanů 1877–1878. Praha, 1927. S. 42–85; *Флоровский А. В.* Россия и южные славяне в царствование императора Александра I // Прослава на освободителната война 1877–1878 гг. Руско-български сборник. София, 1929. С. 54–65; *Ковалев М. В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 105; *Он же.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 115–117.

[36] *Лаптева Л. П.* Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 58.

[37] *Флоровский А. В.* Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейхи X–XI вв. и его продолжателя // Seminarium Kondakovianum. T. I. Praha, 1927. С. 175–186.

[38] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Прага, 1935. Т. I; 1947. Т. II.

[39] *Флоровский А. В.* Очерк русско-чешских отношений // Славянски глас. София, 1930. Кн. 1–3. С. 1–2.

[40] См.: *Флоровский А. В.* Почитание Святого Вячеслава, князя чешского на Руси // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1929. Т. II. С. 305–325; *Он же.* Карпаторусский список проложного жития Св. Вячеслава, князя Чешского // Карпаторусский сборник. Ужгород, 1930. С. 88–90; *Он же.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений. Т. I. С. 9–264.

[41] *Флоровский А. В.* Ян Гус в русской оценке // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1930. Т. III. С. 23–44; *Florovskij A. V.* Jan Hus v ruském projetí (stránka z dějin česko-ruských styků). Praha, 1935.

[42] SK. T-FLOR. Krab. XXII.

[43] Этот интерес генерировался тем, что А. В. Флоровский и его супруга, страдавшие многочисленными хроническими заболеваниями, регулярно проходили лечение на чешских курортах, среди которых они особо любили Марианские Лазни (Мариенбад). Во время отпуска они подолгу жили там и величали их «нашей летней резиденцией». (Рукописный отдел Института русской литературы РАН (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 494. Оп. 2. Д. 1560. Л. 54.) В результате появилось несколько интересных исследований: *Флоровский А. В.* Русские в Марианских Лазнях. Культурно-исторические справки. Прага, 1947; *Он же.* И. А. Гончаров в Марианских Лазнях // Прага — Москва. Прага, 1954. № 6. С. 26–31.

[44] *Флоровский А. В.* Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX веке // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1931. Т. IV. С. 305.

[45] *Florovskij A.* Le conflit de deux traditions — la latine et la byzantine — dans la vie intellectuelle de l`Europe Orientale aux XVI–XVIII siècles // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага, 1937. Т. V (X). С. 171–193.

[46] *Florovský A. V.* Čeští jesuité na Rusi. Jesuite české provincie a slovanský východ. Praha, 1941.

[47] Ibid. S. 355–356.

[48] *David Georgius.* Status modernus magnae Russiae seu Moscoviae (1690) / Ed. with introduction and explanatory index by A. V. Florovskij. Hague, 1965

[49] SK. T-FLOR. Krab. II. № 7: Babkin, Boris Petrovič, Kanada. № 1.

[50] Ibid. № 2.

[51] См.: *Ульянкина Т. И.* «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 65, 67.

[52] SK. T-FLOR. Krab. XIII. № 317: Winter, Eduard, Praha, Berlín. № 6.

[53] Ibid. № 7.

[54] Ibid. № 9.

[55] См. подробнее: *Ковалев М. В.* А. В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 143–146, 149–152, 162–165.

[56] См.: *Аксенова Е. П.* Русский эмигрант о Великой Отечественной войне. Взгляд из Праги // Славянский мир в третьем тысячелетии: Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015. С. 62–71.

[57] Archiv Univerzity Karlovy. F. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy (далее — AUK. F. FF). Kart. 18. Inv. č. 206.

[58] Первый том вышел в Праге в 1935 г. Публикации второго тома помешала война, и он увидел свет лишь в 1947 г. См.: *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. 1. Прага, 1935; Т. 2. Прага, 1947.

[59] Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 113. Л. 1 — 1 об.

[60] *Сидоров А. Л.* Чехословакия. Прага. Октябрь 1946 — февраль 1947 г. // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 430–431.

[61] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 85. Л. 1 — 1 об.

[62] Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 113. Л. 2.

[63] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 66–73.

[64] Cambridge University Library, Department of Manuscripts and University Archives. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 1. Folder F. A. V. Florovsky.

[65] Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 135. Л. 1.

[66] Вместе с письмом академику В. П. Волгину 1 июля 1948 г. А. В. Флоровский отправил на его имя пространную записку, в которой изложил свое видение развития славистики в СССР и странах Восточной и Центральной Европы. Смысл его предложений сводился к «регистрации всех архивных материалов по истории иных славянских народов в каждой славянской стране, т. е. в СССР — по истории всех славянских народов, обитавших вне границ Советского Союза, в Чехии — по истории всех славянских народов, кроме чехов и словаков, аналогичным образом и в Болгарии, Югославии, Польше» (Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 135. Л. 4).

[67] Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Gy. Moravcsik. Ms. 1233/251.

[68] *Hrochová V.* Les etudes Byzantines en Tchécoslovaquie // Balkan Studies. Thessaloniki, 1972. Vol. 13. № 2. P. 305; *Eadem.* Činnost Institutu N. P. Kondakova v Praze

a jeho mezinárodní význam // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studí — 3). Praha, 1995. S. 34; *Аксенова Е. П.* Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 73.

[69] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 221. Л. 1; *Корзун В. П., Колеватов Д. М.* Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. М., 2011. С. 334.

[70] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 390. Л. 2.

[71] Там же. Л. 11.

[72] Там же. Л. 17 об.

[73] См.: *Корзун В. П., Колеватов Д. М.* Указ. соч. С. 353–372.

[74] SK. T-FLOR. Krab. VIII. Korespondence. № 232. Rubinštejn, Nikolaj Leonidovič, Moskva. № 1.

[75] Ibid.

[76] Ibid. № 2.

[77] Ibid.

[78] Ibid.

[79] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 3 — 3 об.

[80] *Подъяпольская Е. П.* Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 68.

[81] Предисловие // Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VII. Вып. 2. М., 1946. С. IV.

[82] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 119. Л. 2. Сборник готовился группой по изучению эпохи Петра Великого на основе прочитанных на заседании группы докладов. В основном он был собран уже к концу 1945 г. 20 июля 1946 г. книгу подписали в печать, в феврале 1947 г. вышел сигнальный экземпляр, а 9 июня тираж поступил в продажу (*Тихонов В. В.* Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М., 2012. С. 119).

[83] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 119. Л. 5.

[84] Там же. Д. 3. Л. 2.

[85] В 1962 г., по случаю 100-летия Ленинской библиотеки в Москве, Государственная библиотека Чехословацкой Республики (Státní knihovna ČSR) преподнесла ей в дар рукопись Ф. Балатри, которая, как сообщалось официально, была специально куплена в одном из антикварных магазинов Праги.

[86] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

[87] Речь идет о статье: *Флоровский А. В.* Академия наук и законодательная комиссия 1767–1774 гг. // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. Т. 1. Вып. 2. Прага, 1924. С. 103–176. Ее оттиск автор отправил А. И. Андрееву в Москву.

[88] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

[89] *Тихонов В. В.* Указ. соч. С. 120–121.

[90] Там же. С. 124–127.

[91] Там же. С. 130.

[92] *Корзун В. П., Колеватов Д. М.* Указ. соч. С. 362, 367; *Шаханов А. Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 190–191.

[93] О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 3–13.

[94] *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 611. В 1943 г. В Нью-Хейвене вышел первый том — «Древняя Русь», в 1948 г. — второй том — «Киевская Русь». Последующие тома выходили вплоть до 1969 г. Но свой проект Г. В. Вернадский, как известно, не сумел довести до конца. (*Болховитинов Н. Н.* Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 103–114.)

[95] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 66–73.

[96] BAR. George Vernadsky Papers. Box 32. Florovskii, A.V.

[97] Свою единственную работу, в которой была предпринята попытка обрисовать пути развития Российской империи и причины ее краха, А. В. Флоровский так и не опубликовал.

[98] См.: Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. М., 2005. Т. 2. С. 89–110.

[99] *Сидоров А. Л.* Указ. соч. С. 432.

[100] AUK. F. FF. Kart. 18. Inv. č. 206.

[101] Ibid.

[102] *Юрганов А. Л.* Указ. соч. С. 704.

[103] Так, ни в Праге, ни в Москве не сохранилось ни одного письма от А. И. Андреева или Н. Л. Рубинштейна, написанного после 1947 г.

[104] В то же время интерес А. В. Флоровского к советской историографии не угас. В 1952 г. он опубликовал по-чешски небольшой очерк об изучении петровской эпохи в СССР, отметив огромный вклад А. И. Андреева, С. К. Богоявленского, Е. И. Заозерской, Б. Б. Кафенгауза, В. В. Мавродина, Н. Л. Рубинштейна, С. А. Фейгиной и др. См.: *Florovskij A.* Sovětská historiografie o době Petra I. // Sovětská věda — Historie. 1952. Roč. II. № 14. S. 133–134.

[105] *Флоровский А. В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955.

[106] SK. T-FLOR. Krab. XXXVII; *Ковалев М. В.* Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 4 (27).

[107] Биография А. В. Флоровского (1960). С. 243.

[108] *Florovskij A.* Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X–XVIII století). Praha, 1954.

[109] Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 845. Л. 17 об.

[110] Биография А. В. Флоровского (1960). С. 244.

[111] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. М., 1956.

[112] *Флоровский А. В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. С. 5–6.

[113] Об этом мы узнаем из эпистолярного рассказа А. В. Флоровского А. А. Новосельскому от 20 октября 1958 г. (SK. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192. Novosel'skij, Aleksej Andrejevič, Moskva. № 2.)

[114] На этот факт указывает содержание письма А. В. Флоровскому от Института истории АН СССР от 24 февраля 1958 г. (SK. T-FLOR, документ находится в неразобранной части архивного фонда и потому пока не имеет инвентарного номера).

[115] *Ковалев М. В.* Зигзаги судьбы: профессор А. В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 5. С. 91–104.

[116] SK. T-FLOR (документ находится в неразобранной части архивного фонда и потому пока не имеет инвентарного номера.)

[117] Ibid.

[118] См.: *Ковалев М. В.* Зигзаги судьбы: профессор А. В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 6. С. 99–105.

[119] *Ковалев М. В., Лаптева Т. Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А. В. Флоровского с советскими историками В. Т. Пашуто, А. А. Зиминым и Е. П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 67.

[120] ОР ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 1560. Л. 53 — 54 об.

[121] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 1047. Оп. 3. Д. 657. Л. 28.

[122] *Флоровский А. В.* От Полтавы до Прута: из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага, 1972.

[123] *Завадова А.* Вступительное слово // Флоровский А. В. От Полтавы до Прута. С. 10.

[124] SK. T-FLOR. Krab. VIII. № 210: Pod"japol'skaja, Jelena Petrovna. № 67.

[125] *Фейгина С. А.* Аландский конгресс. М., 1959.

[126] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 100. Л. 1.

[127] Например: *Флоровский А. В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955; *Он же.* Из истории торговой политики Петра Великого (отзвуки распоряжений 1714 г. в Средней Европе) // Pražská universita Moskevské universitě: sborník k výročí 1755–1955. Praha, 1955. S. 74–93.

[128] *Фейгина С. А.* Аландский конгресс. С. 82, 530.

[129] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 100. Л. 1.

[130] Там же. Л. 1 об.

[131] SK. T-FLOR. Krab. III. Korespondence. № 51. Fejgina, Sof´ja Aronovna, Moskva. № 2.

[132] Ibid. Krab. I. B. Desky č. 9. Verše. № 2.

[133] ПФА РАН. Ф. 1047. Оп. 3. Д. 657. Л. 34.

[134] *Давидсон А. Б.* Я вас люблю: страницы жизни. М., 2008. С. 127.

[135] *Галчева Т. Н., Ковалев М. В.* «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А. П. Мещерского с А. В. Флоровским (1956–1967) // Славянский альманах. 2014. Кн. 1–2. С. 86.

[136] *Ковалев М. В., Лаптева Т. Н.* Указ. соч. С. 79.

[137] *Пашуто В. Т.* Указ. соч. С. 366.

[138] *Šaur J.* A. V. Florovskij (1884–1968) // Slovanský přehled. 2005. № 1. S. 139.

[139] См. подробнее: *Ковалев М. В.* Личный фонд А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М., 2013. С. 131–138.

[140] Помимо уже процитированных работ, см. также: *Šaur J.* K česko-ruské vztahové problematice (Florovského pojetí česko-ruských kulturních vztahů v 10. — 18. století) // Dialog kultur III. Ústí nad Orlicí, 2005. S. 247–253; *Eadem.* K nosným tradicím české historické rusistiky — A. V. Florovskij a J. Macůrek // Nosné traduce české slavistiky. Brno, 2012. S. 219–228; *Аксенова Е. П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А. В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47; *Она же.* Антоний Васильевич Флоровский о Романовых // Славяноведение. 2013. № 5. С. 68–77; *Лаптева Т. Н.* Научное наследие А. В. Флоровского (1884–1968) в Архиве РАН // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 270–287; *Попова Т. Н.* Проблемы изучения интеллектуальной биографии А. В. Флоровского: К 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Вып. 11. Брянск, 2009. С. 147–164 и др.

[141] См., например: *Stellner F.* Rusko a střední Evropa v 18. století. Praha, 2009. I. Díl.; 2012. II. Díl.; *Штеллнер Ф.* Династическая политика Австрийской, Прусской и Российской монархий в XVIII веке: сравнительно-исторический анализ // Россия XXI. 2012. № 4. С. 82–109; *Андреев А. Н.* Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007; *Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.* Русско-австрийские культурные связи в XVIII–XXI вв. СПб., 2010; *Нелипович С. Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010; *Петрова М. А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011; и др.

Статья подготовлена за счет средств гранта РНФ № 18-78-00102 «Российское интеллектуальное присутствие в Восточной Европе в исторической ретроспективе “короткого XX века” (1914–1991)».

Научное издание

Антоний Васильевич Флоровский

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И ИСТОРИОГРАФИИ

Из архивного наследия

Под редакцией В. Ю. Афиани

Рекомендовано к печати
Ученым советом Архива РАН,
Ученым советом Института всеобщей истории РАН
и Российско-чешской комиссией историков и архивистов

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *О. В. Пугачёва*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать 20.04.2020
Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 36,0
Тираж 300 экз. Заказ № 1779

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

А. В. Флоровский (в центре) с братом Василием (слева) и сестрой Клавдией (справа). 1880-е гг. АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 187. Л. 2

А. В. Флоровский.
Начало 1900-х гг.
АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 186. Л. 3

А. В. Флоровский. 1912 г.
АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 186. Л. 4

А. В. Флоровский. 1914 г.
АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 186. Л. 10